

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/TEP-23-12>

УДК 316.61

Жизненная позиция матерей и отцов учащихся начальной, основной и старшей школы

В.С. Собкин^{1,2}, Е.А. Калашникова^{✉ 1,2}

¹ Психологический институт Российской академии образования, Москва, Российская Федерация

² Институт управления образованием Российской академии образования, Москва, Российская Федерация

✉5405956@mail.ru

Резюме

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения влияния жизненной позиции родителей на процесс социализации современных школьников.

Цель. Охарактеризовать особенности взаимосвязи компонентов жизненной позиции отцов и матерей, воспитывающих ребенка в полной и неполной семье, на разных этапах его обучения в школе.

Выборку исследования составили 302 177 родителей учащихся 1–11-х классов общеобразовательных школ из 85 регионов РФ. Рассматривались ответы 16 463 отцов и 285 714 матерей (из них 227 855 женщин, состоящих в браке, 57 859 — женщины, воспитывающих ребенка в неполной семье).

Методы. Родители учащихся начальной, основной и старшей школы отвечали на вопросы анкеты, касающиеся трех компонентов жизненной позиции: ценностных ориентаций, оценки успешности своих жизненных перспектив, оценки значимости для себя тех или иных социальных угроз.

Полученные материалы анализировались с учетом влияния как социально-стратификационных факторов (полнота/неполнота семьи), так и возраста ребенка (класс обучения). Для выявления особенностей взаимосвязей компонентов жизненной позиции родителей использовался метод факторного анализа.

Результаты. Исследование показало, что наиболее значимыми жизненными ценностями для родителей являются здоровье, успешная профессиональная деятельность, достижение материального благополучия и счастливая семейная жизнь. При этом для отцов более значимой оказывается ценность профессиональной реализации, а для матерей — реализация в семейной жизни. С возрастом ребенка у родителей актуализируется ценность профессиональной реализации и снижается значимость семейной реализации и достижения материального благополучия, при этом растут негативные оценки своей будущей успешности. В результате факторного анализа полученных данных выявлены особенности жизненной позиции отцов и матерей, воспитывающих ребенка в полной и неполной семье: «принцип дополненности» в полных семьях и деформация традиционной материнской позиции матерей, воспитывающих ребенка в неполной семье.

Выводы. Проведенное исследование показало значимость различных жизненных ценностей и социальных угроз среди родителей детей разного школьного возраста, что в целом фиксирует своеобразие социально-психологического контекста детско-родительских отношений в семье.

Ключевые слова: жизненная позиция, материнство, отцовство, ценностные ориентации, успешность, социальные угрозы, полная/неполная семья, детско-родительские отношения, социализация.

Информация о финансировании. Исследование выполнено за счет средств государственного бюджета, выделенного ФГБНУ «ИУО РАО» для реализации проекта в рамках Госзадания Министерства Просвещения РФ «Мониторинг фактического объема учебной и внеучебной нагрузки обучающихся».

Для цитирования: Собкин В.С., Калашникова Е.А. Жизненная позиция матерей и отцов учащихся начальной, основной и старшей школы // Теоретическая и экспериментальная психология. 2023. № 2 (16). С. 50–71. <https://doi.org/10.11621/TEP-23-12>

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY

Scientific Article

<https://doi.org/10.11621/TEP-23-12>

Life position of mothers and fathers of primary, secondary and high school students

Vladimir S. Sobkin^{1,2}, Ekaterina A. Kalashnikova^{✉1,2}

^{1,2} Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation

^{1,2} Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation

✉ 5405956@mail.ru

Abstract

Background. The relevance of the study is due to the need of investigating the effects of parents' life orientations on the process of socialization of modern schoolchildren.

Objective. The study had its task to characterize the features of the relationship between the components of the life position of mothers and fathers raising children in full/single-parent families at different stages of their education.

Sample of the study consisted of 302177 parents of 1–11 grade students of general education schools from 85 regions of the Russian Federation. The analysis considered the data of 16463 fathers and 285714 mothers (of which 227855 are married women, 57859 are women raising children in a single-parent family).

Methods. Parents of primary, secondary, and high school students answered the *ad hoc* questionnaire relating to three components of their life position: value orientations, assessment of their life prospects success, assessment of subjective significance of certain social threats. The data obtained were analyzed taking into account the influence of both social stratification factors (completeness/incompleteness of a family) and a child age

(grade at school). To identify the features of the relationship between the components of parental life position, the factor analysis procedure was used.

Results. The study revealed that the most significant life values for parents are health, successful professional activities, achieving financial success, and a happy family life. At the same time, the value of professional realization turns out to be more significant for fathers, whereas realization in family life is more valuable for mothers. As a child grows, the parents actualize the value of professional self-realization while the importance of family life and achieving financial success decreases, and the negative assessments of their future success grow. The factor analysis revealed the peculiarities of the life position of fathers and mothers raising a child in complete vs incomplete family: the “principle of complementarity” in full families and the deformation of traditional maternal position of women raising children in single-parent families.

Conclusions. The study demonstrated the significance of various life values and social threats among parents of children of different school age, which captures the uniqueness of the socio-psychological context of the child-parent relationships in the family.

Keywords: life position, motherhood, fatherhood, value orientations, success, social threats, full family, single-parent family, child-parent relationship, socialization.

Funding. The study was carried out at the expense of the state budget allocated by the Federal State Budgetary Scientific Institution “IEM RAE” for the implementation of the project within the framework of the State Assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation “Monitoring the actual volume of educational and extracurricular workload of students”.

For citation: Sobkin, V.S., Kalashnikova, E.A. (2023). Life position of mothers and fathers of primary, secondary, and high school students. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya (Theoretical and experimental psychology)*, 2 (16), 50–71. <https://doi.org/10.11621/TEP-23-12>

Введение

В публикациях последних лет как российских, так и зарубежных авторов подчеркивается, что ценностные ориентации выступают важным компонентом социального самочувствия и находятся в тесной взаимосвязи с представлениями о личностной успешности, карьере, благополучии в межличностных отношениях с ближайшим социальным окружением. При этом особую актуальность приобретают исследования социального самочувствия родителей (Куликов, Малёнова, Потапова, 2020; Шаповаленко, 2022; Mikucka, Rizzi, 2020; Levesque, Bisson, Charton, Fernet, 2020; Ryan, Padilla, 2019; Simpson, Rholes, 2019; Young, Roberts, Ward, 2019). В работах, посвященных данной тематике, указывается на особенности современных социально-экономических и социокультурных процессов на уровне как макро-, так и микротенденций: экономическое неравенство, социальная дифференциация (Реан, Кудашев, Баранов, 2022); неоднозначность отношения к процессам в образовательной политике (Прокофьева, Корчагина, 2020); трансформация института семьи, проявляющаяся в снижении рождаемости,

закреплении внебрачного материнства, распространенности неполных семей материнского типа (Махнач, 2019; Поломщиков, Кравцова, 2022).

В наших работах проблематика социального самочувствия связана с изучением компонентов жизненной позиции, методика выявления которых первоначально была разработана и использована в многопозиционном кросс-культурном исследовании участников образовательного процесса — учащихся, родителей и учителей (Собкин, Писарский, 1992; 1994). Она показала высокую содержательную валидность и широко использовалась в последующих многочисленных исследованиях: особенностей самоопределения учащихся (Собкин, 1997; 1998; Собкин, 2006; Собкин, Ваганова, 2006; Собкин, Смылова, 2014; Собкин, Калашникова, 2019), девиантных проявлений подростков (Собкин, Абросимова, Адамчук, Баранова, 2004), профессионального самоопределения старшеклассников (Собкин, Калашникова, 2020), жизненных ориентаций учителей общеобразовательных школ (Собкин, Писарский, Коломиец, 1996; Собкин, Адамчук, 2016), социального самочувствия родителей (Собкин, Марич, 2002; Собкин, Скобельцина, Иванова, Верясова, 2013) и др.

Данная работа является продолжением цикла исследований, проводимых в рамках социокультурного подхода к изучению социализации ребенка на разных возрастных этапах. Характерным для него является ряд особенностей: многопозиционный анализ изучения ситуации социального развития ребенка, предполагающий сопоставление мнений детей и ближайших взрослых (родителей и учителей); мониторинг социокультурных изменений в детской и подростковой субкультуре; проведение кросс-культурных сопоставлений особенностей социальной ситуации развития ребенка на разных возрастных этапах (Собкин, Писарский, 1992; Собкин, 1997; 1998; 2006; Собкин, Марич, 2003; Собкин, Абросимова, Адамчук, Баранова, 2005; Собкин, Ваганова, 2006; Собкин, Скобельцина, Иванова, Верясова, 2013; Собкин, Калашникова, 2019; 2023). Значительное внимание в данном подходе уделяется исследованию жизненной позиции взрослых (родителей и педагогов) для понимания их влияния как на «зону ближайшего развития» ребенка, так и на трансляцию ценностно-целевых жизненных ориентиров (Выготский, 1984).

В этой связи особое значение имеют работы, касающиеся особенностей процесса передачи подрастающему поколению ценностно-целевых ориентиров, которые связаны с моделями воспитания (Авдулова, Уханова, 2018; Информационно-аналитический отчет МАУ ИРСИ, 2019; Гузман, Безносок, 2022), с влиянием тенденций ценностно-нормативной неопределенности, что проявляется и в нарушении передачи норм и ценностей от старшего поколения младшему, особенно на этапе профессионального самоопределения (Андреева, Лисичкина, 2022; Цветкова, 2017).

Настоящее исследование имело своей целью охарактеризовать особенности взаимосвязи компонентов жизненной позиции отцов и матерей, воспитывающих ребенка в полной и неполной семье, на разных этапах его обучения в школе.

Выборка

В исследовании приняли участие родители учащихся 1–11-х классов общеобразовательных школ из 85 регионов РФ.

Таблица 1. Численность респондентов в подвыборках в зависимости от возраста ребенка (класс обучения)

Подвыборки	Класс							
	1	2	3	4	5	6	7	8
МАТЕРИ полная семья	12520	26051	28448	30071	19749	26343	24701	23112
МАТЕРИ неполная семья	2585	5451	6366	6956	4831	6855	6973	6759
ОТЦЫ	866	1878	2065	1988	1436	1876	1785	1646

Table 1. The number of respondents in subsamples depending on the age of children (school grade)

Subsamples	Class							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Mother incomplete family	12520	26051	28448	30071	19749	26343	24701	23112
Mother in a full family	2585	5451	6366	6956	4831	6855	6973	6759
Father	866	1878	2065	1988	1436	1876	1785	1646

Общее число опрошенных респондентов — 302 177, из них 16 463 отцов и 285 714 матерей (из них 227 855 женщин, состоящих в браке, 57 859 — женщин, воспитывающих ребенка в неполной семье).

Число респондентов относительно возраста ребенка приведено в табл. 1.

Характеризуя выборку, отметим два момента. Во-первых, с переходом ребенка в старшие возрастные группы увеличивается процент матерей, воспитывающих ребенка в неполной семье. Так, если среди матерей первоклассников их доля составляла 20,6%, то среди пятиклассников — 24,5%, а среди девятиклассников — уже 31,9%. Во-вторых, анализ выборки отцов показал, что 95% из них состоят в браке. Поэтому подвыборка отцов, не состоящих в браке, из нашего массива опрошенных не выделялась.

Методы и процедура исследования

В исследовании использовались данные анонимного анкетного опроса родителей учащихся общеобразовательных школ, которое проводилось сотрудниками Центра социологии образования ФГБНУ «ИУО РАО» в 2022/23 учебном году. В соответствии с целью исследования была составлена анкета, содержащая 82 открытых, закрытых и шкальных вопроса. Опрашивались родители учащихся начальной, основной и старшей школы. Анкета позволяла получить социально-демографические данные (возраст и пол ребенка, материальный, образовательный и семейный статус родителей и др.), выявить отношение родителей к разным аспектам школьного образования, а также три компонента их жизненной позиции: ценностные ориентации, эмоциональную оценку успешности своих будущих перспектив, оценку значимости для себя тех или иных социальных угроз.

Приведем некоторые формулировки вопросов и вариантов ответов на них.

Так, для выявления ценностных приоритетов предлагался следующий вопрос: «Какие из нижеперечисленных жизненных ценностей являются для Вас наиболее

значимыми?». В качестве вариантов ответов респонденты могли выбрать не более пяти из предложенных формулировок: здоровье; успешная профессиональная деятельность; духовная и физическая близость с любимым человеком; достижение материального благополучия; наличие близких друзей; повышение своего культурного уровня; самостоятельность и независимость; счастливая семейная жизнь; возможность творческой деятельности; повышение уровня своего образования; хорошие отношения с родителями; уважение окружающих.

Эмоциональная оценка успешности своих будущих перспектив определялась с помощью вопроса: «Каждый человек по-разному оценивает свои личные перспективы. Можете ли Вы сказать, что в целом: с уверенностью и оптимизмом смотрите в завтрашний день; у Вас есть сомнения в том, что жизнь сложится удачно; Вы со страхом и пессимизмом ждете завтрашнего дня?». Респонденты должны были выбрать один из предложенных вариантов.

Для выявления значимости социальных угроз респондентам предлагался вопрос: «Что Вас пугает больше всего?». При ответе на него они могли выбрать не более трех наиболее значимых для них вариантов: преступность; безработица; голод и нищета; отсутствие социальной защиты; экстремизм; военное разрешение внешне- и внутрисударственных конфликтов; ужесточение режима в стране; ухудшение внешнеполитической обстановки; эпидемии (коронавирус, ВИЧ) и другие инфекционные заболевания.

Частотные распределения ответов респондентов на вопросы анкеты анализировались с учетом влияния как социально-стратификационных факторов (полнота/неполнота семьи), так и возраста ребенка (класс обучения).

Для выявления содержательных особенностей взаимосвязей компонентов жизненной позиции матерей из полных и неполных семей и отцов процедуре факторного анализа подвергалась матрица исходных данных, где в строках содержатся варианты ответов на вопросы, а в столбцах — проценты выбора вариантов ответов в подвыборках матерей из полных/неполных семей и отцов учащихся 1, 4, 5, 7, 9 и 11-х классов.

Статистическая обработка данных для рассмотрения характера распределения ответов в подвыборках матерей в полной/неполной семье и отцов учащихся проводилась с использованием статистического пакета программ SPSS 21 и StatSoft Statistica 7.0. Для сравнения пропорций, наблюдаемых в двух независимых подвыборках, выраженных процентами, использовался критерий хи-квадрат в модуле «Basic statistics — Difference tests» пакета StatSoft Statistica 7.0. Обсуждаемые в статье различия значимы на уровне $p \leq 0.05$. Для исследования взаимосвязей компонентов жизненной позиции применялся метод факторного анализа (метод выделения Главных компонент с вращением осей по критерию Варимакс Кайзера).

Результаты исследования

Рассмотрение полученного эмпирического материала сгруппировано в двух содержательных разделах. В первом — приводится общий анализ процентных распределений ответов респондентов относительно трех компонентов жизненной позиции (ценности, эмоциональная оценка собственной успешности и значимость социальных угроз) с учетом возраста ребенка и семейного статуса матери. Во вто-

ром, помимо учета влияния возраста ребенка, охарактеризованы особенности жизненной позиции родителей, воспитывающих ребенка в полной и неполной семье.

Анализ процентных распределений ответов родителей относительно различных компонентов жизненной позиции

Жизненные ценности. Анализ общего распределения ответов на вопрос о приоритетах в жизненных ценностях показал, что наиболее значимыми являются «здоровье» (91,0%) и «счастливая семейная жизнь» (61,2%). Каждый третий респондент отметил «достижение материального благополучия (34,0%), «успешную профессиональную деятельность» (32,6%). Каждый четвертый-пятый — «самостоятельность и независимость» (24,4%), «уважение окружающих» (21,5%), «наличие близких друзей» (18,4%). Каждый шестой — «повышение уровня своего образования» (13,0%), «духовную и физическую близость с любимым человеком» (12,4%). Менее 10% опрошенных указали «повышение своего культурного уровня» (8,9%) и «возможность творческой деятельности» (6,8%).

Анализ ответов в подвыборках отцов и матерей показал, что для отцов оказывается более значимой такая ценность, как «успешная профессиональная деятельность» (соответственно, 36,5 и 32,4%), а для матерей, по сравнению с отцами, — «счастливая семейная жизнь» (61,6 и 54,9%). В целом, отмеченные различия свидетельствуют о явном проявлении среди родителей современных школьников традиционалистских гендерных ценностей.

Наряду с этим, следует обратить внимание на существенные различия в ответах матерей, воспитывающих ребенка в неполной и полной семье. Так, для матерей из неполных семей более значимыми оказываются такие ценности, как «достижение материального благополучия» (соответственно, 36,0 и 33,7%); «самостоятельность и независимость» (30,0 и 23,1%). Матери же из полных семей, по сравнению с матерями из неполных, чаще указывают на ценность «счастливой семейной жизни» (64,5 и 50,3%). Эти данные позволяют сделать вывод о существенной трансформации традиционалистских гендерных ценностей у матерей из неполных семей. При этом, указанная тенденция проявляется у них на всех этапах обучения ребенка: и в начальной, и в основной, и в старшей школе.

Особый интерес представляет и характер изменения у родителей значимости жизненных ценностей в зависимости от возраста ребенка. Так, если среди родителей, чьи дети обучаются в начальной школе (1–4 класс), менее значима такая ценность, как «успех в профессиональной деятельности», то среди родителей старшекласников (10–11 класс) этот вариант ответа встречается гораздо чаще (соответственно, 30,5 и 39,1%). Можно предположить, что подобная динамика ценностных ориентаций родителей связана и с изменением жизненной ситуации ребенка, для которого значимой оказывается проблема профессионального самоопределения. Иными словами, жизненная проблема ребенка проявляется в изменении значимости ценностных ориентаций родителей. Вместе с тем характерно, что с увеличением возраста ребенка у родителей снижается ценность «счастливой семейной жизни»: с 63,5 до 57,2%. Возможно, это связано с тем, что процесс взросления ребенка, где существенным фактором является его стремление к сепарации от родителей, снижает, в свою очередь, и ответственность родителей за сохранение семьи. Добавим, что содержательно эта тенденция проявляется и в увеличении

доли матерей, воспитывающих детей в неполной семье, в более старших возрастных когортах школьников (см. наше обсуждение результатов в табл. 1).

Эмоциональная оценка успешности своих будущих перспектив. Анализ общего распределения ответов на данный вопрос показывает, что с уверенностью и оптимизмом оценивают свои будущие перспективы 80,5% родителей, с сомнением относятся к своей успешности в будущем 16,5%, со страхом и пессимизмом — 3,0%.

При этом отцы более пессимистично оценивают свою успешность в будущем. Так, среди них «сомневаются» в своей жизненной успешности 18,7% (среди матерей — 16,4%), испытывают «страх и пессимизм» 3,7% (среди матерей — 2,9%).

Анализ оценок родителями своей успешности в будущем с учетом возраста ребенка показал, что с переходом ребенка в старшие классы среди родителей заметно снижается доля «оптимистов». Если у родителей учащихся начальной школы (1–4 классы) доля «оптимистов» составляет 82,8%, то среди родителей старшеклассников (10–11 классы) таких 78,2%.

И наконец, отметим, что матери из неполных семей, по сравнению с матерями из полных, в течение всего периода обучения ребенка в школе чаще испытывают «сомнение» в своей будущей успешности: соответственно, 16,4 и 14,1% в 1–4 классах; 20,2 и 17,0% в 5–9 классах; 20,4 и 17,6% в 10–11 классах.

Таким образом, приведенные данные показывают, что на эмоциональную оценку родителями своей жизненной успешности заметное влияние оказывает их пол, возраст ребенка и семейный статус.

Оценка значимости социальных угроз. Анализ средних данных показал, что наиболее часто родители отмечают как значимые для них такие угрозы, как «преступность» (47,8%), «безработица» (43,2%), «эпидемии» (41,3%), «военное разрешение внешне- и внутригосударственных конфликтов» (40,6%). Каждый третий респондент отметил «ухудшение внешнеполитической обстановки» (30,0%), «голод и нищету» (28,6%). Далее в порядке убывания следуют «отсутствие социальной защиты» (22,4%), «экстремизм» (12,0%), «ужесточение режима в стране» (11,6%).

Для отцов, по сравнению с матерями, более значимыми оказываются такие угрозы, как «безработица» (соответственно, 45,5 и 43,0%), «отсутствие социальной защиты» (25,0 и 22,2%), «экстремизм» (15,8 и 11,7%), «ужесточение режима в стране» (14,8 и 11,4%). Это позволяет сделать вывод о том, что для отцов более значимыми оказываются угрозы, связанные с неблагополучием социально-экономической ситуации в стране.

Анализ ответов родителей с учетом возраста ребенка показал, что по мере перехода ребенка в старшие классы последовательно увеличивается значимость для родителей таких социальных угроз, как «безработица» (с 41,6% в 1–4 классах до 44,4% в 10–11-х классах), «военное разрешение внешне- и внутригосударственных конфликтов» (соответственно, с 40,6 до 43,2%), «отсутствие социальной защиты» (с 21,6% до 23,1%), «ухудшение внешнеполитической обстановки» (с 29,3 до 34,3%). В целом, увеличение значимости этого комплекса социальных угроз свидетельствует о том, что по мере взросления ребенка среди родителей все более актуализируются опасения, связанные с проблемами внешней и внутренней политики в стране. В свою очередь, это позволяет сделать вывод и о политизации внутрисемейной социальной ситуации по мере возрастного развития ребенка. Можно

предположить, что по мере своего взросления ребенок все чаще задает родителям «неудобные вопросы» и тем самым актуализирует их политические ориентации.

И, наконец, проведенное сопоставление ответов матерей, воспитывающих ребенка в неполных и полных семьях, показало, что для матерей из неполных семей более значимыми являются такие социальные угрозы, как «безработица» и «отсутствие социальной защиты». Причем, эти различия явно проявляются на всех этапах обучения ребенка в школе. Эта тенденция свидетельствует об особой чувствительности матерей, воспитывающих ребенка в неполной семье, к социально-экономическим угрозам. Иными словами, здесь проявляется принятие ими на себя традиционалистской мужской функции по материальному обеспечению семьи. В свою очередь, матери из полных семей, по сравнению с матерями из неполных, чаще указывают на угрозу «военного разрешения внешне- и внутрисоциальных конфликтов». Так, среди матерей учащихся начальных классов на эту угрозу указывают, соответственно, 42,4 и 35,4%, основной школы — 42,2 и 36,0%, старшей — 44,6 и 40,5%. Возможно, подобные различия связаны с политическими особенностями современной ситуации.

Структурные особенности компонентов жизненной позиции родителей

Выше мы рассмотрели процентные распределения ответов отцов и матерей на вопросы, касающиеся жизненных ценностей, эмоциональной оценки своей жизненной успешности и значимости социальных угроз в зависимости от пола, семейного статуса и возраста ребенка. Между тем, возникает вопрос о взаимосвязи ответов респондентов на эти три разных вопроса. Например, существует ли связь между субъективной значимостью ценности «счастливой семейной жизни» с какими-либо другими ценностями и различными социальными угрозами? И, если есть, то с какими?

Подчеркнем, что решение данного вопроса позволяет выявить содержательные, именно *структурные* особенности родительской жизненной позиции. Но это лишь одна сторона проблемы. Помимо обнаружения структурных взаимосвязей между ответами, существует и другой, не менее важный аспект, который касается своеобразия структурных особенностей жизненной позиции у отцов и матерей в зависимости от семейного статуса и возраста ребенка. Это и определило задачи дальнейшего анализа полученных эмпирических данных.

Для рассмотрения содержательных особенностей взаимосвязей компонентов жизненной позиции отцов и матерей с учетом семейного статуса и возраста ребенка была сформирована матрица исходных данных, где строки содержат варианты ответов на вопросы о ценностях, эмоциональной оценке жизненной успешности и значимости социальных угроз, а столбцы — данные подвыборок отцов и матерей из полных/неполных семей учащихся 1, 4, 5, 7, 9 и 11-х классов. Каждая ячейка матрицы (пересечение строки и столбца) указывает процент выборов соответствующего варианта ответа в соответствующей подвыборке. Сформированная таким образом матрица исходных эмпирических данных общей размерностью 23 × 18 (строки × столбцы) была подвергнута процедуре факторного анализа (метод главных компонент с последующим вращением осей по критерию варимакс Кайзера).

В результате было выделено четыре фактора, объясняющих 91,8% общей суммарной дисперсии (табл. 2).

Таблица 2. Содержание выделенных факторов (% в общей суммарной дисперсии и весовые нагрузки показателей)

Содержание выделенных факторов	% в суммарной дисперсии и весовые нагрузки показателей
F1+/- социальный пессимизм — социальный оптимизм	32,4%
у меня есть сомнения в том, что жизнь сложится удачно	0,944
безработица	0,911
я со страхом и пессимизмом жду завтрашнего дня	0,892
отсутствие социальной защиты	0,844
наличие близких друзей	0,672
с уверенностью и оптимизмом смотрю в завтрашний день	-0,950
счастливая семейная жизнь	-0,882
эпидемии (коронавирус, ВИЧ) и другие инфекционные заболевания	-0,654
военное разрешение внешне- и внутригосударственных конфликтов	-0,555
F2+/- успешность в социальных отношениях — успешность в межличностных отношениях	24,4%
уважение окружающих	0,734
здоровье	0,705
самостоятельность и независимость	0,682
духовная и физическая близость с любимым человеком	-0,925
экстремизм	-0,920
ужесточение режима в стране	-0,868
F3+/- стремление к материальному благополучию — стремление к профессиональной успешности	20,8%
голод и нищета	0,912
преступность	0,879
достижение материального благополучия	0,752
ухудшение внешнеполитической обстановки	-0,953
успешная профессиональная деятельность	-0,682
F4+ стремление к самореализации	14,3%
повышение уровня своего образования	0,908
возможность творческой деятельности	0,907
повышение своего культурного уровня	0,798

Обратимся к содержательной характеристике выделенных факторов.

Как видно из приведенных в табл. 2 данных, наиболее мощный биполярный фактор F1 (32,4%) на положительном полюсе представлен негативными эмоциональными оценками своей жизненной успешности: «сомнение в том, что жизнь сложится удачно» и «страх, пессимизм в ожидании завтрашнего дня». При этом характерно, что подобные негативные ожидания связаны с такими социальными опасениями, как «безработица» и «отсутствие социальной защиты». В принципе, эти страхи свидетельствуют о неуверенности в своем социально-экономическом положении и патерналистских установках. При этом, для понимания содержа-

Table 2. The content of the selected factors (% of the total variance and weight loads of indicators)

Selected factors	% in total variance and weight loads of indicators
F1+/- social pessimism — social optimism	32.4%
I have doubts that life will turn out well	0.944
unemployment	0.911
I will meet the coming days with fear and pessimism	0.892
lack of social protection	0.844
the presence of close friends	0.672
I am waiting for tomorrow with confidence and optimism	-0.950
happy family life	-0.820
epidemics (coronavirus, HIV) and other infectious diseases	-0.654
military resolution of external and intra-state conflicts	-0.555
F2+/- success in social relations — success in interpersonal relationships	24.4%
respect for others	0.734
health	0.705
independence and self-sufficiency	0.682
spiritual and physical intimacy with a loved one	-0.925
extremism	-0.920
tightening of the regime in the country	-0.868
F3+/- striving for material well-being — striving for professional success	20.8%
hunger and poverty	0.912
crime	0.879
achieving financial success	0.752
deterioration of the foreign policy situation	-0.953
professional success	-0.682
F4+ striving for self-realization	14.3%
raising educational level	0.908
possibility of creative activity	0.907
raising cultural level	0.798

тельных тенденций, фиксируемых положительным полюсом фактора F1, важно обратить внимание на высокое весовое значение такой ценности, как «наличие близких друзей». Это подчеркивает значимость связи между социально-экономическим положением и ценностью контактов в микросоциальном окружении.

Противоположный отрицательный полюс данного фактора с высокой весовой нагрузкой определяет позитивная эмоциональная оценка своей жизненной успешности, — «с уверенностью и оптимизмом жду завтрашнего дня». При этом основой «оптимизма» является ценностная значимость «счастливой семейной жизни». В этой связи важно подчеркнуть, что угрозой для «счастливой семейной жизни» выступают «эпидемии» и «военные конфликты». Именно они могут разрушить благополучие семейного очага, угрожая потерей родственников. В целом

данный фактор можно обозначить через оппозицию *«социальный пессимизм — социальный оптимизм»*.

Положительный полюс второго биполярного фактора **F2 (24,4%)** определяют следующие ценности: «уважение окружающих», «здоровье», «самостоятельность и независимость». В целом, этот комплекс свидетельствует о ценностной ориентированности на успешность в социальных отношениях. Отрицательный же полюс данного фактора определяет такая ценность, как «духовная и физическая близость с любимым человеком». Причем заметим, что угрозами для реализации межличностной близости выступают такие проявления, как «экстремизм» и «ужесточение режима в стране», по сути, — ограничения личностной свободы. В целом данный фактор можно обозначить через оппозицию *«успешность в социальных отношениях — успешность в межличностных отношениях»*.

Положительный полюс третьего биполярного фактора **F3 (20,8%)** определяет такая ценность, как «достижение материального благополучия». Угрозами для ее достижения выступают «преступность», «голод и нищета». Это те показатели, которые отчетливо характеризуют неблагополучие внутренней ситуации в стране. Отрицательный полюс данного фактора определяет ценность «успешной профессиональной деятельности». Причем, заметим, что ее реализация связывается не столько с внутренней, сколько с внешней угрозой — «ухудшением внешнеполитической обстановки». В целом, данный фактор можно обозначить через оппозицию *«стремление к материальному благополучию — стремление к профессиональной успешности»*.

И, наконец, униполярный фактор **F4 (14,3%)** определяют такие ценности, как «повышение уровня своего образования», «повышение своего культурного уровня», «возможность творческой деятельности». Данный фактор прост для интерпретации — его можно обозначить как *«стремление к самореализации»*.

Таким образом, в результате проведенного факторного анализа были выделены следующие четыре фактора, которые характеризуют структурное своеобразие жизненной позиции родителей: F1 «социальный пессимизм — социальный оптимизм», F2 «успешность в социальных отношениях — успешность в межличностных отношениях», F3 «материальное благополучие — профессиональная успешность», F4 «стремление к самореализации».

С целью определения своеобразия особенностей жизненной позиции отцов и матерей в зависимости от семейного статуса и возраста ребенка необходимо рассмотреть размещение значений подвыборок родителей по осям выделенных факторов (табл. 3).

Основываясь на приведенных в табл. 3 данных, представим на рисунке особенности размещения подвыборок отцов и матерей из полных и неполных семей в пространстве факторов F1 «социальный пессимизм — социальный оптимизм» и F2 «успешность в социальных отношениях — успешность в межличностных отношениях».

Из приведенных на рисунке данных видно, что фактор F2 четко дифференцирует отцов и матерей. При этом матери (как из полных, так и неполных семей) разместились на его положительном полюсе, что свидетельствует о выраженности среди них ценностных ориентаций, связанных с успешностью в реализации социальных отношений («уважение окружающих», «самостоятельность и неза-

Таблица 3. Численные значения по факторам F1, F2, F3, F4 подвыборок отцов и матерей учащихся 1, 4, 5, 7, 9 и 11-х классов

Подвыборки	Класс	Факторы			
		F1+/-	F2+/-	F3+/-	F4+
отец	1	-0,4	-2,1	0,5	1,0
	4	-0,3	-1,0	0,6	-0,7
	5	0,4	-1,2	0,6	-0,7
	7	1,3	-1,1	0,0	-1,4
	9	1,1	-0,6	-0,6	-1,1
	11	0,6	-1,5	-1,1	1,5
мать в полной семье	1	-2,0	0,0	0,4	0,5
	4	-1,5	0,3	0,1	-0,3
	5	-1,2	0,4	-0,1	-0,8
	7	-0,8	0,5	-0,4	-0,8
	9	-0,4	0,8	-1,0	-1,0
	11	-0,6	0,4	-2,4	0,0
мать в неполной семье	1	-0,4	0,4	1,2	1,9
	4	0,4	0,8	1,5	-0,5
	5	0,5	0,9	1,2	0,2
	7	0,9	0,8	0,7	0,5
	9	1,5	1,4	0,0	-0,2
	11	1,0	0,8	-1,3	1,8

Table 3. Numerical values for factors F1, F2, F3, F4 in subsamples of fathers and mothers of schoolchildren in grades 1, 4, 5, 7, 9, and 11

Subsamples	Grade	Factors			
		F1+/-	F2+/-	F3+/-	F4+
father	1	-0.4	-2.1	0.5	1.0
	4	-0.3	-1.0	0.6	-0.7
	5	0.4	-1.2	0.6	-0.7
	7	1.3	-1.1	0.0	-1.4
	9	1.1	-0.6	-0.6	-1.1
	11	0.6	-1.5	-1.1	1.5
mother in full family	1	-2.0	0.0	0.4	0.5
	4	-1.5	0.3	0.1	-0.3
	5	-1.2	0.4	-0.1	-0.8
	7	0.8	0.5	-0.4	-0.8
	9	-0.4	0.8	-1.0	-1.0
	11	-0.6	0.4	-2.4	0.0
mother in single-parent family	1	-0.4	0.4	1.2	1.9
	4	0.4	0.8	1.5	-0.5
	5	0.5	0.9	1.2	0.2
	7	0.9	0.8	0.7	0.5
	9	1.5	1.4	0.0	-0.2
	11	1.0	0.8	-1.3	1.8

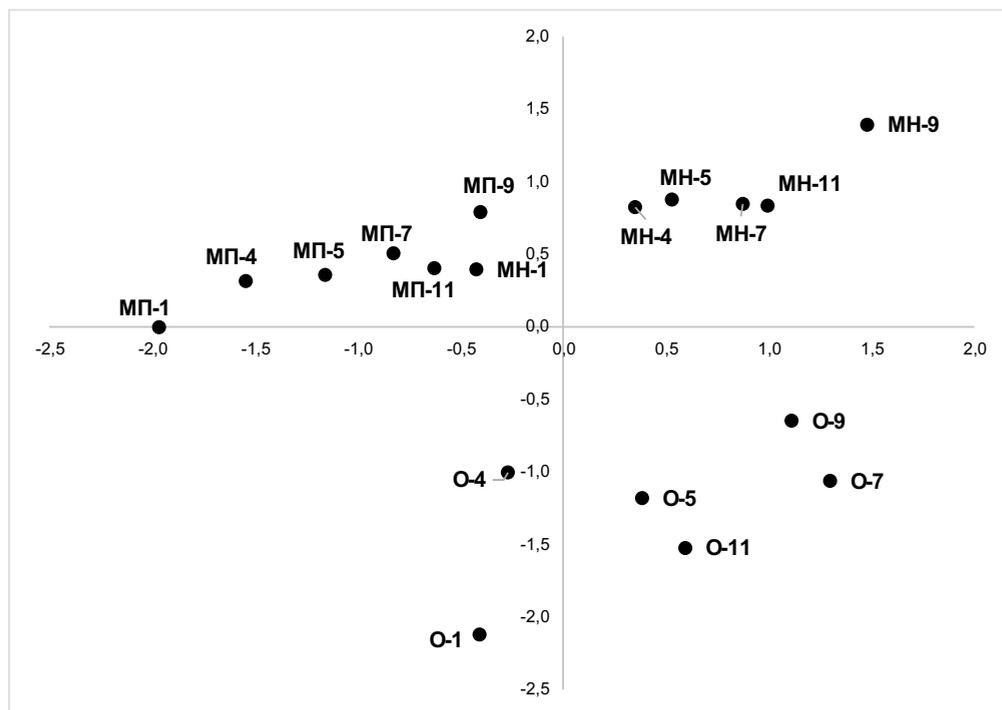

Рисунок. Размещение подвыборок отцов и матерей учащихся 1, 4, 5, 7, 9, 11-х классов в пространстве факторов F1 «социальный пессимизм — социальный оптимизм» (ось X) и F2 «успешность в социальных отношениях — успешность в межличностных отношениях» (ось Y).

Обозначения: например, О-1 — отцы учащихся 1-х классов; МН-1 — матери из неполных семей учащихся 1-х классов; МП-1 — матери из полных семей учащихся 1-х классов и т.п.

висимость»). Отцы же расположились на противоположном (отрицательном) полюсе — «успешность в межличностных отношениях». Для них значимы «духовная и физическая близость с любимым человеком» и комплекс страхов, связанных с ограничением личностной свободы.

Фактор же F1 дифференцирует позицию матерей, воспитывающих ребенка в полной семье, от позиции матерей из неполных семей и позиции отцов. Здесь различия определяются оппозицией «оптимизм — пессимизм». Причем, напомним, что «оптимизм» связан с ценностью «счастливой семейной жизни», а «пессимизм» — с «наличием близких друзей».

На наш взгляд, приведенные на рисунке данные весьма показательны. Дело в том, что матери, воспитывающие ребенка в полной семье, разместившиеся в квадранте IV, в содержательном отношении занимают противоположную жизненную позицию в сравнении с отцами, разместившимися в квадранте II. Так, если для матерей из полных семей характерен «социальный оптимизм» (F1-) и стремление к «успешности в социальных отношениях» (F2+), то у отцов, напротив, выражен «социальный пессимизм» (F1+) и стремление к «успешности в межличностных отношениях» (F2-). Заметим, что подобные противоположные содержательные

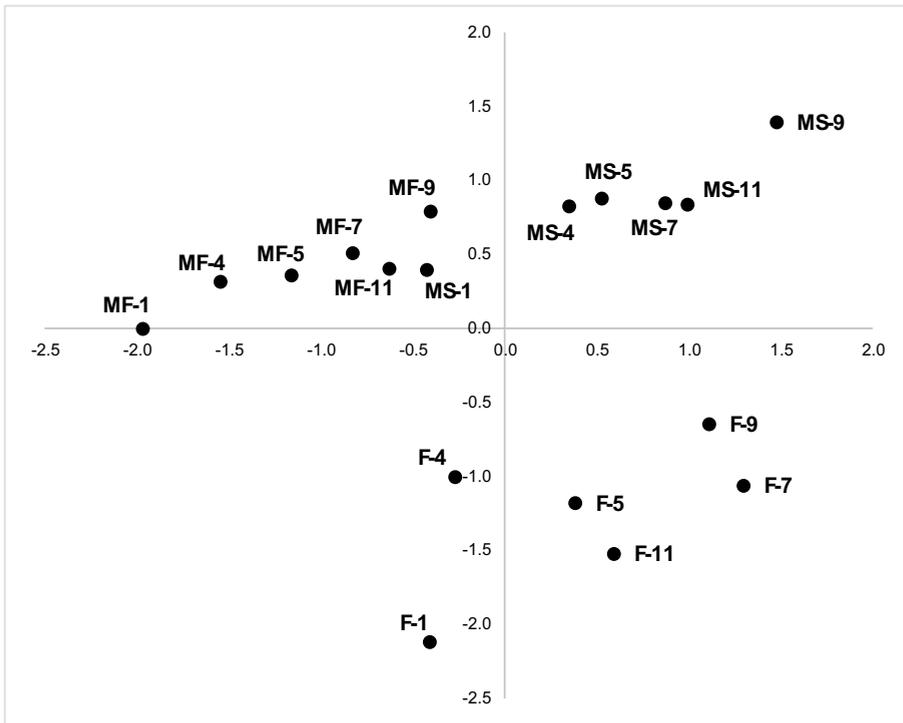

Figure. Location of subsamples of fathers (F) and mothers in full families (MF), mothers in single-parent families (MS) of the students of 1, 4, 5, 7, 9, 11 grades in the space of factors F1 “social pessimism — social optimism” (X axis) and F2 “success in social relations — success in interpersonal relationships” (Y axis).

Designations: e.g., F-1 — fathers of 1-st grade students; MS-1 — mothers in single-parent families of 1-st grade students; MF-1 — mothers in full families of 1-st grade students, etc.

ориентации жизненных позиций замужних матерей и отцов, в свою очередь, проясняют своеобразие социальной ситуации развития ребенка, воспитывающегося в полной семье. Эту противоположность в позициях отцов и матерей можно, с известными оговорками, рассматривать как реализацию «принципа дополнительности» родительских ценностных ориентаций (шире — социального самочувствия) в процессе семейного воспитания ребенка.

Приведенные на рисунке данные проясняют и своеобразие жизненной позиции матерей, воспитывающих ребенка в неполной семье, поскольку здесь обнаруживается совмещение параметров традиционной позиции матери в полной семье (F2+ «ориентация на успешность в социальных отношениях») и отцовской позиции (F1+ «социальный пессимизм»). Подобное совмещение объяснимо, поскольку одинокая мать в существенной степени вынуждена решать вопросы, связанные с материальным обеспечением семьи, что актуализирует такие угрозы, как «безработица» и «отсутствие социальной защиты». Важно также обратить внимание и на то, что в отличие от замужних матерей, у одиноких матерей оказы-

вается вытесненной ценностью «счастливой семейной жизни», которая заменяется ценностями «наличия близких друзей» и «стремлением к самостоятельности и независимости».

Размещение подвыборок респондентов по фактору F3 «*стремление к материальному благополучию — стремление к профессиональной успешности*» (см. табл. 3) позволяет обратить внимание на два момента, касающиеся особенностей родительской позиции. Во-первых, мы видим, что «стремление к материальному благополучию» (положительный полюс фактора) гораздо в большей степени выражен у отцов и одиноких матерей учащихся начальной и основной школы. Это позволяет уточнить своеобразие трансформации материнской позиции при воспитании ребенка в неполной семье: на передний план выходит ценность «достижение материального благополучия» и параллельно актуализируются страхи, связанные с «преступностью», «голодом и нищетой». Во-вторых, мы видим, что с возрастом ребенка (с его переходом в старшую школу) у родителей явно возрастает значимость ценности «успешной профессиональной деятельности». Подобный факт можно интерпретировать как своеобразную включенность родителей в жизненную ситуацию ребенка на этапе окончания школы — том этапе, когда для него становится актуальной проблема профессионального самоопределения.

Отмеченную тенденцию включенности родителей в процесс профессионального самоопределения ребенка отчасти подтверждают и высокие значения по фактору F4 «*стремление к самореализации*» (табл. 3). Они отчетливо проявляются у отцов и матерей, воспитывающих ребенка в неполной семье. В принципе, это может свидетельствовать не только о ценностной значимости для них собственной восходящей социальной мобильности, но и о проекции установок, связанных со стремлением к повышению образовательного и культурного уровня, к творческой деятельности на этапе окончания ребенком школы.

Обсуждение результатов

Частотный анализ распределения ответов родителей на вопросы, определяющие своеобразие их жизненной позиции, свидетельствует о том, что в качестве наиболее значимых ценностей для них выступают здоровье, успешная профессиональная деятельность, достижение материального благополучия и счастливая семейная жизнь. При этом каждый пятый из них сомневается или негативно оценивает успешность своих жизненных перспектив. Причем, в первую очередь это связано с такими социальными угрозами, как преступность, безработица, эпидемии, военное разрешение внешне- и внутригосударственных конфликтов. Это общие, наиболее выраженные тенденции.

В то же время, структурный анализ, направленный на выявление взаимосвязей между отдельными компонентами жизненной позиции с учетом возраста ребенка и семейного статуса (полноты семьи), позволил выделить четыре фактора, которые характеризуют содержательное своеобразие жизненных позиций отцов и матерей. К ним относятся «социальный пессимизм — социальный оптимизм», «успешность в социальных отношениях — успешность в межличностных отношениях», «стремление к материальному благополучию — стремление к профессиональной успешности», «стремление к самореализации». При этом проведенный структур-

ный анализ позволил выделить три важных момента, которые касаются социально-психологических особенностей влияния института семьи на социализацию современного ребенка в период его обучения в школе.

Во-первых, принципиальное значение, на наш взгляд, имеют результаты, свидетельствующие о «дополнительности» жизненных позиций отцов и матерей при воспитании ребенка в полной семье по таким параметрам, как установки на значимость социальных/межличностных отношений и позитивные/негативные оценки своей жизненной успешности. Подчеркнем, что выявленные различия материнской и отцовской жизненной позиции определяют, в свою очередь, содержательное своеобразие социальной ситуации развития ребенка в полной семье.

Во-вторых, обращает на себя внимание явная деформация материнской позиции при воспитании ребенка в неполной семье по сравнению с традиционной позицией матери, воспитывающей ребенка в полной семье. Компенсация матерью-одиночкой функций отца ребенка связана не только с принятием на себя обязанностей по материальному обеспечению семьи, но и с принципиальным изменением ее ценностных ориентаций и эмоционального самочувствия относительно жизненной успешности. В этой связи важно иметь в виду, что учащиеся, воспитывающиеся в неполной семье, находятся в принципиально иной социально-психологической ситуации по сравнению со школьниками из полных семей.

В-третьих, полученные данные показали, что по мере взросления ребенка родительская позиция существенно меняется относительно таких параметров, как стремление к профессиональной успешности и ценность самореализации. В свою очередь, это свидетельствует об учете родителями жизненной ситуации своего ребенка, у которого на этапе окончания школы актуализируются проблемы, связанные с профессиональным самоопределением. Это позволяет иначе взглянуть на взаимозависимость детской и родительской жизненной позиции в связи с проблемами ценностно-нормативной неопределенности при социализации современного ребенка.

Выводы

Проведенное исследование позволило охарактеризовать значимость различных жизненных ценностей и социальных угроз для родителей, воспитывающих детей разного школьного возраста, что в целом фиксирует своеобразие социально-психологического контекста детско-родительских отношений в семье.

В результате структурного анализа выявлены особенности жизненной позиции отцов и матерей, воспитывающих ребенка в полной и неполной семье: «принцип дополнительности», деформация традиционной материнской позиции, влияние возрастной жизненной ситуации ребенка на изменение ценностных ориентаций родителей.

Практическое применение

В целом, актуальность данной работы состоит в его общей практической направленности на разработку комплексных программ, направленных на развитие продуктивного взаимодействия институтов семьи и школы в социализации ребенка.

Литература

Авдулова Т.П., Уханова Д.П. Представления о справедливости и стили воспитания родителей как фактор морального развития подростков // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 2. С. 81–92. doi: /10.17759/sps.2018090206

Андреева А.Д., Лисичкина А.Г. Проблема профессионального самоопределения юношества в исследованиях сотрудников Психологического института: 1920–2020-е гг. // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. № 3 (15). С. 198–210. doi: 10.24412/2073-0861-2022-3-198-210

Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 4. Детская психология / Под ред. Б.Д. Эльконина. М.: Педагогика, 1984.

Гузман Н.А., Безносюк Е.В. Взаимодействие семьи и образовательной организации. Информационно-педагогический аспект. Симферополь: Типография «Ариал», 2022.

Информационно-аналитический отчет по результатам социологического исследования «Социальное самочувствие подростков в современных условиях». Ярославль: МАУ «Институт развития стратегических инициатив», 2019. // [Электронный ресурс] // URL: <https://indsi.ru/wp> (дата обращения: 19.01.2023).

Куликов Л.В., Малёнова А.Ю., Потапова Ю.В. Субъективная картина материнства в российских и зарубежных исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 4. С. 135–167. doi: 10.11621/vsp.2020.04.07

Махнач А.В. Тенденции в изучении семьи и характеристик ее состава, связанных с жизнеспособностью // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2019. № 2. С. 37–50. doi: 10.28995/2073-6398-2019-2-37-50

Поломошнов П.А., Кравцова А.М. Социокультурные трансформации современной российской семьи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 274–283. doi: 10.17213/2075-2067-2022-3-274-283.

Прокофьева Л.М., Корчагина И.И. Неполные семьи с детьми в России: масштабы распространения и материальная поддержка // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 9-1 (48). С. 172–179. doi: 10.24411/2500-1000-2020-11006

Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. М.: МПГУ, 2022.

Собкин В.С. Особенности социализации в старшем школьном возрасте: социокультурные траектории ценностных трансформаций // Мир психологии. 1998. № 1 (13). С. 26–54.

Собкин В.С. Социология дошкольного воспитания. Труды по социологии образования. Т. XI. Вып. XIX. / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2006.

Собкин В.С. Старшеклассник в мире политики. Эмпирическое исследование. М.: ЦСО РАО, 1997.

Собкин В.С., Абросимова З.Б., Адамчук Д.В., Баранова Е.В. Подросток: нормы, риски, девиации. Труды по социологии образования. Т. X. Вып. XVII. / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2005.

Собкин В.С., Адамчук Д.В. Современный учитель: жизненные и профессиональные ориентации. Труды по социологии образования. Т. XVIII. Вып. XXX. М.: ФГБНУ «ИУО РАО», 2016.

Собкин В.С., Ваганова М.В. Российский подросток: жизненные перспективы и страхи. Социокультурные трансформации подростковой субкультуры: Труды по социологии образования. Т. XI. Вып. XX. / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2006.

Собкин В.С., Калашникова Е.А. Взаимоотношения с родителями подростков из полных/неполных семей и статус среди одноклассников // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14, № 1 (в печати).

Собкин В.С., Калашникова Е.А. Особенности межпоколенных различий в жизненной позиции подростков // *Социальная психология и общество*. 2019. Т. 10, № 3. С. 19–39. doi: 10.17759/sps.2019100302

Собкин В.С., Калашникова Е.А. Профессиональные предпочтения учащихся и социокультурные трансформации профессиональных групп // *Социальная психология и общество*. 2020. Т. 11, № 3. С. 114–134. doi: 10.17759/sps.2020110308

Собкин В.С., Марич Е.М. Социология семейного воспитания: дошкольный возраст. Труды по социологии образования. Т. VII. Вып. XII. М.: Центр социологии образования РАО, 2002.

Собкин В.С., Писарский П.С. Жизненные ценности и отношение к образованию: кросс-культурный анализ Москва — Амстердам. По материалам социологического опроса учителей, учащихся и родителей. М.: Центр социологии образования РАО, 1994.

Собкин В.С., Писарский П.С. Социокультурный анализ образовательной ситуации в мегаполисе. М.: Министерство образования РФ, 1992.

Собкин В.С., Писарский П.С., Коломиец Ю.О. Учительство как социально-профессиональная группа. Москва: ЦСО РАО, 1996.

Собкин В.С., Скобельцина К.Н., Иванова А.И., Верясова Е.С. Социология дошкольного детства. Труды по социологии образования. Т. XVII. Вып. XXIX. М.: Институт социологии образования РАО, 2013.

Собкин В.С., Смылова М.М. Социальное самочувствие подростка: оценка успешности жизненных перспектив (по материалам кросскультурного исследования) // *Вестник Тюменского государственного университета*. 2014. № 8. С. 19–27.

Цветкова И.В. Отношения с родителями как фактор социального самочувствия подростков // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6, № 4 (21). С. 428–431.

Шаповаленко И.В. Современное родительство: новые исследовательские подходы // *Современная зарубежная психология*. 2022. Т. 11, № 1. С. 58–67. doi: 10.17759/jmfp.2022110106

Levesque, S., Bisson, V., Charton, L., Fernet, M. (2020). Parenting and Relational Well-being During the Transition to Parenthood: Challenges for First-time Parents. *Journal of Child and Family Studies*, 29, 1938–1956. doi: 10.1007/s10826-020-01727-z

Mikucka, M., Rizzi, E. (2020). The Parenthood and Happiness Link: Testing Predictions from Five Theories. *European Journal of Population*, 36, 337–361. doi: 10.1007/s10680-019-09532-1

Ryan, R.M., Padilla, C.M. (2019). Transition to parenthood. In M.H. Bornstein (Eds.), *Handbook of parenting: Being and becoming a parent* (pp. 513–555). New York: Routledge/Taylor & Francis Group. doi: 10.4324/9780429433214-15

Simpson, J.A., Rholes, W.S. (2019). Adult attachment orientations and well-being during the transition to parenthood. *Current Opinion in Psychology*, 25, 47–52. doi: 10.1016/j.copsyc.2018.02.019

Young, C., Roberts, R., Ward, L. (2019). Application of resilience theories in the transition to parenthood: a scoping review. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*, 37 (2), 139–160. doi: 10.1080/02646838.2018.1540860

References

Andreeva, A.D., Lisichkina, A.G. (2022). The problem of professional self-determination of youth in the research of employees of the Psychological Institute: 1920–2020. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya (Theoretical and experimental psychology)*, 3 (15), 198–210. doi: 10.24412/2073-0861-2022-3-198-210 (In Russ.).

Avdulova, T.P., Ukhanova, D.P. (2018). Conceptions of justice and parenting styles as a factor of moral development of adolescents. (*Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*) *Social psychology and society*, 2 (9), 81–92. doi: 10.17759/sps.2018090206 (In Russ.).

Guzman, N.A., Beznosyuk, E.V. (2022). Interaction of family and educational organization. Psychological and pedagogical aspect. Simferopol: Izdatel'stvo "Tipografiya "Arial". (In Russ.).

Information and analytical report on the results of the sociological study "Social well-being of adolescents in modern conditions. (2019). Yaroslavl: MAU "Institut razvitiya strategicheskikh iniciativ". (Retrieved from: <https://indi.ru/wp>) (review date: 19.01.2023). (In Russ.).

Kulikov, L.V., Malenova, A.Yu., Potapova, Yu.V. (2020). The subjective picture of motherhood in Russian and foreign studies. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin)*, 4, 135–167. doi: 10.11621/vsp.2020.04.07 (In Russ.).

Levesque, S., Bisson, V., Charton, L., Fernet, M. (2020). Parenting and Relational Well-being During the Transition to Parenthood: Challenges for First-time Parents. *Journal of Child and Family Studies*, 29, 1938–1956. doi: 10.1007/s10826-020-01727-z

Makhnach, A.V. (2019). Trends in the study of the family and the characteristics of its composition related to viability. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie (Bulletin of the Russian State University. The series "Psychology. Pedagogy. Education")*, 2, 37–50. doi: 10.28995/2073-6398-2019-2-37-50 (In Russ.).

Mikucka, M., Rizzi, E. (2020). The Parenthood and Happiness Link: Testing Predictions from Five Theories. *European Journal of Population*, 36, 337–361. doi: 10.1007/s10680-019-09532-1

Polomoshnov, P.A., Kravtsova, A.M. (2022). Sociocultural transformations of the modern Russian family. *Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki (Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences)*, 3 (15), 274–283. doi: 10.17213/2075-2067-2022-3-274-283 (In Russ.).

Prokofieva, L.M., Korchagina, I.I. (2020). Single-parent families with children in Russia: the scale of distribution and material support. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk (International Journal of Humanities and Natural Sciences)*, 9–1 (48), 172–179. doi: 10.24411/2500-1000-2020-11006 (In Russ.).

Rean, A.A., Kudashev, A.R., Baranov, A.A. (2022). Psychology adaptations of personalities. Analysis. Theory. Practice. M.: MPGU. (In Russ.).

Ryan, R.M., Padilla, C.M. (2019). Transition to parenthood. In M.H. Bornstein (Eds.), *Handbook of parenting: Being and becoming a parent* (pp. 513–555). New York: Routledge/Taylor & Francis Group. doi: 10.4324/9780429433214-15

Shapovalenko, I.V. (2022). Modern parenting: new research approaches. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya (Modern foreign psychology)*, 11 (1), 58–67. doi: 10.17759/jmfp.2022110106 (In Russ.).

Simpson, J.A., Rholes, W.S. (2019). Adult attachment orientations and well-being during the transition to parenthood. *Current Opinion in Psychology*, 25, 47–52. doi: 10.1016/j.copsyc.2018.02.019

Sobkin, V.S. (1997). High school student in the world of politics. Empirical research. M.: TsSO RAO. (In Russ.).

Sobkin, V.S. (1998). Features of socialization in high school age: socio-cultural trajectories of value transformations. *Mir psikhologii (The World of Psychology)*, 1 (13), 26–54. (In Russ.).

Sobkin, V.S. (2006). Sociology of preschool education. In V.S. Sobkin (Eds.), *Proceedings on the Sociology of Education, XI (XIX)*. M.: TsSO RAO. (In Russ.).

Sobkin, V.S., Abrosimova, Z.B., Adamchuk, D.V., Baranova, E.V. (2005). Teenager: norms, risks, deviations. In V.S. Sobkin (Eds.), *Proceedings on the Sociology of Education, X (XVII)*. M.: TsSO RAO. (In Russ.).

Sobkin, V.S., Adamchuk, D.V. (2016). Modern teacher: life and professional orientations. Works on the sociology of education, XVIII (XXX). M.: FGBNU "IUO RAO". (In Russ.).

Sobkin, V.S., Kalashnikova, E.A. (2019). Features of intergenerational differences in the life position of adolescents. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo (Social psychology and society)*, 10 (3), 19–39. doi: 10.17759/sp.2019100302 (In Russ.).

Sobkin, V.S., Kalashnikova, E.A. (2020). Professional preferences of students and socio-cultural transformations of professional groups. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo (Social psychology and society)*, 11 (3), 114–134. doi: 10.17759/sps.2020110308 (In Russ.).

Sobkin, V.S., Kalashnikova, E.A. (2023). Relationships with parents of teenagers from full/incomplete families and status among classmates. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo (Social psychology and society)*, 14 (1), (in print). (In Russ.).

Sobkin, V.S., Marich, E.M. (2002). Sociology of family education: preschool age. Works on the sociology of education, VII (XII). M.: TsSO RAO. (In Russ.).

Sobkin, V.S., Pisarsky, P.S. (1992). Socio-cultural analysis of the educational situation in the metropolis. M.: Centr sociologii obrazovaniya RAO. (In Russ.).

Sobkin, V.S., Pisarsky, P.S. (1994). Vital values and attitude to education: cross-cultural analysis Moscow — Amsterdam. Based on the materials of a sociological survey of teachers, students and parents. M.: TsSO RAO. (In Russ.).

Sobkin, V.S., Pisarsky, P.S., Kolomiets, Yu.O. (1996). Teaching as a socio-professional group. M.: TsSO RAO. (In Russ.).

Sobkin, V.S., Skobeltsina, K.N., Ivanova, A.I., Veryasova, E.S. (2013). Sociology of preschool childhood. Works on the sociology of education, XVII (XXIX). M.: Institut sociologii obrazovaniya RAO. (In Russ.).

Sobkin, V.S., Smyslova, M.M. (2014). Social well-being of a teenager: assessment of the success of life prospects (based on cross-cultural research). *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Tyumen State University)*, 8, 19–27. (In Russ.).

Sobkin, V.S., Vaganova, M.V. (2006). Russian teenager: life prospects and fears. In V.S. Sobkin (Eds.), Socio-cultural transformations of adolescent subculture: Works on the sociology of education, XI (XX), (pp. 7–18). M.: TsSO RAO. (In Russ.).

Tsvetkova, I.V. (2017). In relations with parents as a factor of social well-being of adolescents. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya (Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology)*, 6 (4–21), 428–431. (In Russ.).

Vygotsky, L.S. (1984). Child psychology. In B.D. El'konin (Eds.), Collected works (4th ed.). M.: Pedagogika. (In Russ.).

Young, C., Roberts, R., Ward, L. (2019). Application of resilience theories in the transition to parenthood: a scoping review. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*, 37 (2), 139–160. doi: 10.1080/02646838.2018.1540860

Поступила: 20.03.2023

Получена после доработки: 31.03.2023

Принята в печать: 06.04.2023

Received: 20.03.2023

Revised: 31.03.2023

Accepted: 06.04.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Владимир Самуилович Собкин — доктор психологических наук, профессор, академик РАО, руководитель Центра социокультурных проблем современного образования ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования»; руководитель Центра социологических исследований в образовании Института управления образованием Российской академии образования, sobkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2339-9080>

Екатерина Александровна Калашникова — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социокультурных проблем современного образования Психологического института Российской академии образования; ведущий научный сотрудник

Центра социологии образования Института управления образованием Российской академии образования, 5405956@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4429-623XE>

ABOUT AUTHORS

Vladimir S. Sobkin — Dr.Sci. (Psychology), Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Head of the Center for Sociocultural Problems of Modern Education, “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”; Head of the Center for the Sociology of Education, “Institute of Education Management of the Russian Academy of Education”, sobkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2339-9080>

Ekaterina A. Kalashnikova — Cand.Sci. (Psychology), Leading Researcher, the Center of Sociocultural Problems of Modern Education, “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”; Leading Researcher, the Center for the Sociology of Education, “Institute of Education Management of the Russian Academy of Education”, 5405956@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4429-623XE>